

ГОСТЬ РУБРИКИ: ПОЛЬ ВЕРИЛЬО

Поль Вирильо родился в 1932 во Франции. В настоящее время живёт в Ля Рошель. Дромолог, социальный критик, специалист по урбанистике, эксперт по стратегическим вопросам новых технологий коммуникации. Был профессором Специальной архитектурной школы в Париже, с 1972 по 1975 — её директором, с 1990 — председателем правления.

После выхода в свет его первых философских эссе в 1973 году становится куратором серии «L'espace critique» в издательстве Galilée. В 1987 году награждён национальной премией за архитектурную критику. С 1990 года — директор программ в Международном Философском Колледже под руководством Жака Деррида. С 1992 года является членом Высшего Совета по предоставлению жилплощади социально слабым слоям населения.

К основным сочинениям Поля Вирильо относятся: «Эстетика исчезновения» (1986), «Открытые небеса» (1997), «Ландшафт событий» (1998), «Информация и апокалипсис» (2000), «То, что грядёт» (2002), «Искусство ужаса» (2001), «Панический город» (2007), «Настоящий несчастный случай» (2005) и др. На русском языке изданы «Информационная бомба», «Стратегия обмана» (Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Гнозис, Москва, 2002) и «Машина зрения» (СПб.: Наука, 2004).

Начиная с выставки «Скорость» 1991 года, прошедшей в Жуи ан Жоза, он принимал участие во многих выставках по современному искусству, организованных при поддержке Фонда Картье. С 1990 года Поль Вирильо является также советником Французской компании по экспозициям в Севилье — Павильона Франции, созданного им совместно с Режисом Дебрэ. Поль Вирильо поддерживает со дня его основания в 2001 году Фонд Non-Violence XXI (Нет насилию XXI).

Творчество Вирильо тяготеет к постмодернистской критической теории. Свой философский дискурс на границе между физикой, философией, политикой, эстетикой и урбанизмом Вирильо назвал «дромологией». Это оригинальный подход, основанный на теории скорости, разработкой которой Вирильо занимается уже несколько десятилетий и которая принесла ему мировую известность.

До конца семидесятых годов концепция «дромологии» имела смысл только для специалистов в области древних языков. Это положение изменилось в результате большого успеха эссе «Покорение тела» (1994) и «Скорость исчезновения» (1999), предметом исследования которых являлись вопросы скорости. В своей книге «Война и телевидение» (1999) Вирильо проводит удивительные параллели между развитием военной техники и развитием кино. Его мышление поражает неожиданным соединением техники, истории идей и философии.

«ЕСЛИ ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ, ТО СКОРОСТЬ — ЭТО ВЛАСТЬ»

С Полем Вирильо беседуют Гала Наумова
и Константин фон Барлевен

— *Господин Вирильо, мы договорились с Вами встретиться в Cybercafé, в том общественном месте, которое, как никакое другое, представляет современное информационное общество коммуникаций, и даёт нам почувствовать, как мы завтра будем использовать электронные средства массовой информации. Скажите, по-Вашему, Интернет, виртуальные реальности — это магическая формула нашего блестящего будущего?*

— Наше будущее будет блестящим и тревожным одновременно, как и весь XX век. Кибер-кафе представляет собой нечто противоположное вокзалу, гавани и даже аэропорту. Там происходил отъезд, исход. Сюда же, напротив, всё прибывает: картины, звуки и образы, всё концентрируется в этом помещении. Вам вовсе не нужно отправляться ни в какое путешествие, достаточно только ждать. Это значит, что отношение к миру перевернулось. Этот феномен мне представляется экстраординарным. Проекция на горизонт превращается в своего рода интроспекцию, основанную на оптических импульсах, прямо передаваемых со скоростью света.

— *Когда Вы произносите эти слова, Ваши высказывания приобретают тёмный, пессимистичный подтекст.*

— Да, так как первой свободой человека было беспрепятственное передвижение. Правда, это по-прежнему возможно, но тот, кто так избалован тотальной доступностью информации, вряд ли имеет потребность менять место пребывания. Интернет только ознаменовал начало этого процесса, который будет ещё больше развиваться с появлением новых информационных автобанов с их сетевым подключением. Поэтому я высказываю свои опасения относительно того, чтобы телетехнологии не вызвали у пользователей патологическую пассивность, которую я когда-то назвал «полюсом застоя», «rôle de l'immobilité». Это значит, что для Кибер-кафе — центр мира везде, и периферии нет нигде.

— *Следовательно, мы так и останемся неподвижными, каковыми мы уже давно являемся, так и будем, как зачарованные, пристально вглядываться в экраны, поглощаемые и подавляемые визуальными и оптическими сигналами. Однако для многих это представление не несёт в себе вообще ничего, вызывающего опасения. Многие люди видят в этом уникальный шанс содействия открытому, интерактивному диалогу во всём мире, борьбы с предубеждениями и возможность достижения более высокого уровня знаний.*

— Любое достижение включает в себя и потери. С одной стороны, глобализация ведёт к тому, что человечество всё больше и больше представляет собой единое целое, даже если этот прогресс всё ещё связан с конфликтами. С другой стороны, вследствие прямой трансляции, прямой передачи картины происходящего, возникает столкновение далёкого и близкого, земное пространство сжимается так же, как и время, благодаря чему мир становится бесконечно маленьким.

Закрытость (*l'enfermement*) бытия, о которой говорил Мишель Фуко в отношении XVIII столетия, есть собственно то, что переживаем сегодня мы в XXI веке. Такое исчезновение дистанций производит клаустрофобию. Так как я сам от этого страдаю, то склонен ощущать клаустрофобию как мощную угрозу для будущих поколений.

— Такие высказывания снискали Вам славу пророка несчастий, скептика и гуру негативизма.

— Скептик да, но я не являюсь ни гуру, ни пророком. Я — дитя своего времени, страхи которого я несу в себе и выражаю их в свойственной мне манере. Я пережил Вторую мировую войну в возрасте от семи до тринадцати лет в условиях, которые были абсолютно ирреальными, которые складывались в результате манипуляций и фальсификаций и разрушали веру в реальность, в непосредственность происходящего.

Мы жили в Нанте, который заняли немцы, а союзники, прилетавшие на боевых самолётах издалека, появляясь на небе, сбрасывали, во имя свободы, бомбы на город. Внизу — враг в оккупации мучил нас своей пропагандой, а наверху — друг спасал нас, сбрасывая бомбы, которые разрушали город и убивали людей. Мальчик, которым я был тогда, не мог поверить своим глазам и всё время спрашивал себя, где найти опору среди этих феноменов обмана? Этот мальчик с предельной подозрительностью наблюдал за тем, что претендовало быть реальностью, — и он сохранил в себе эту установку. Эта манера остаётся моей до сегодняшнего дня.

— Последовавшие после 1945 года исторические события, без сомнения, только способствовали тому, чтобы Вы ещё больше утвердились в Вашей точке зрения.

— За войной, как известно, последовало «равновесие террора». В течение последующих сорока лет мы находились в конфронтации с тем мифом, который проявил себя как реальность. Опасность состояла в том, что мы видели не только города Хиросиму или Нагасаки превращёнными в кучку пепла, но и всю землю: конец мира мог наступить в любой момент. И снова мы должны были сомневаться в здешней пропаганде, так как она основывалась на логической схеме, согласно которой Зло находится на Востоке, а Добро — на Западе. Такой тип манихейства давал все основания держаться по отношению к нему в оппозиции и разрабатывать другой образ мышления, между этими обеими противоборствующими идеологиями. Именно это я и сделал.

— *И эта внутренняя новая ориентация, вопреки всем очевидным зловещим предзнаменованиям, давала Вам силу не сдаваться и не оставлять надежду?*

— Да, я обратился к христианству. В 1950 году благодаря рабочим, священникам я обратился в веру. Так как я происхожу из левой среды, я был поставлен перед альтернативой выбора: марксизм, коммунизм и тоталитаризм, либо вера. Я выбрал последнее.

— *И, тем не менее, Вы не стали в одночасье оптимистом, когда с распадом Советского Союза и падением Берлинской стены в 1989 году страх перед всё уничтожающей атомной войной ощутимо ослабел. Очевидно, Вы полагали, что теперь появится новая система устрашения, которая при определённых обстоятельствах будет, по меньшей мере, столь же эффективна, как и предыдущие.*

— Я думаю, что американцы с некоторой ностальгией вспоминают о том времени, когда они одни в мире обладали абсолютным оружием. Именно этот факт является поводом для того, что они и сегодня находятся в поиске нового варианта оружия, которое бы заменило то, прежнее. Может быть, речь здесь идёт об информационной бомбе. Вы знаете, что Эйнштейн объяснил в одном своём разговоре с аббатом Пьером? Он говорил о существовании трёх бомб — атомной бомбы, информационной бомбы (я бы называл её компьютерной) и демографической бомбы (я называю её генетической).

За атомной бомбой скрывается бомба компьютерная, так как без операций на компьютере ядерная физика никогда бы не смогла получить столь стремительное развитие. В результате того же самого процесса генетическая бомба получила развитие на базе бомбы компьютерной, поскольку только компьютеры позволяют сделать расшифровку и манипулировать ДНК. Почему тогда несчастный случай, спровоцированный информационными технологиями, последствия которого оказали воздействие на весь земной шар, не может стать причиной войны, в известной мере, как продолжение политики только другими средствами? Виртуальные реальности — это тоже инструмент, который может блокировать знания и энергию. Что это значит, в конечном итоге, мы увидели в Косово, когда обеспечение энергией было прервано специально изобретёнными для этого графитовыми бомбами. В рамках охватившей весь мир коммуникативной системы тот обладает сверхвластью, кто в одно мгновение может прервать виртуальную сеть. Компьютерные вирусы — это бомбы, отправленные по электронной почте, и это только первые предвестники грозящей катастрофы — информационной войны, революции в военных аферах.

— *Какие другие индикаторы, по Вашему мнению, указывают на то, что жизнь на планете во всё возрастающей степени будет завоёвана теми, кто получит доступ к общим потокам информации и будет ими управлять?*

— Вспомним хотя бы о НАБ — Национальном Агентстве Безопасности со штаб-квартирой в Fort Mead в Мэрилэнде, которое, в отличие от ЦРУ, ответственно специально за сферу телекоммуникаций. Таким образом, оно ответственно не за локальный шпионаж, а за глобальное освещение новостей. Эта организация, целиком контролирующая обмен информацией как по Интернету, так и по телефону, осуществляет благодаря этой своей функции определённую форму государственной власти.

Вместе с тем, во всё возрастающей степени проявляются признаки постоянного оптического доноса, который приносит ещё больше вреда, чем устный или письменный донос, что было характерно для коллаборационистов в период Второй мировой войны. Сегодняшняя революция в области информации поневоле идёт в ногу с революцией в области доносов. Это значит, что телевидение и Интернет, Web-Cam и Live-Cam являются средствами массовой информации, которые открывают мир и, вместе с тем, строчат на него доносы. Занятия эксгибиционизмом в Интернете являются наглядным тому доказательством, это относится в равной степени и к тем, кто на это смотрит. Эти доносы являются следствием тотального видеонаблюдения. В Англии, например, на настоящий момент установлено около миллиона камер в общественных местах. Тот, кто разгуливает по улицам Лондона, триста раз в течение дня оптически зафиксирован на видеоканере. Правительство Блера хотело распространить эту систему на всю страну, включая пляжи. Почему бы в таком случае не установить камеры в лесу?

Разве это не тотальное обнажение, гипероптика в чистом виде? Чем вам не Джордж Оруэлл? Во всяком случае, здесь уже намечается будущее телевидения и Интернета: бессовестное распространение визуальных образов без какого бы то ни было критического вмешательства со стороны общества.

— В каких ключевых понятиях Вы могли бы определить фундаментальное различие и в то же время фатальную общность черт между индустриальной революцией, включая сопровождающие её феномены, и революцией информационной?

— Индустриальная революция есть синоним стандартизации: объекты гомогенизированы для того, чтобы их можно было мультиплицировать. Возникающие вследствие этого процесса потери — а именно, потери в отношении представлений о ценностях и нравах — совершенно очевидны. Происходящая сегодня информационная революция ставит деликатную проблему синхронизации, так как она в равной степени касается как человеческих отношений и общественных проблем, так и стандартизации производства. В обоих случаях проявляется весьма заметный редуционизм. Видно, как появляется дополнительная параллель, когда мы говорим об индустриальной радиоактивности, или радиоактивности, используемой в военных целях. Радиоактивность — значит то же самое для энергии, что и интерактивность или взаимодействие для информации. Радиоактивность означает постепенное заражение, являющееся следствием облучения. Ин-

терактивность – это моментальное непосредственное заражение, вызванное электронно-магнитным излучением.

В отличие от ядерной бомбы, информационная бомба имеет одну существенную характеристику — она осуществляет своё действие без посредников. Правда, радиоактивность сохраняется в течение тысяч лет, но она распространяется, как показала авария реактора в Чернобыле, не сразу. Другими словами: новые кибернетические технологии теснейшим образом связаны с экстремальными скоростями взаимодействия.

— Как же тогда получается, что, несмотря на все названные выше риски, которые, по Вашему мнению, ведут почти к апокалиптическому сценарию, всё-таки перевешивает общая уверенность в том, что информационная революция, в конечном итоге, освободит людей от внутренних и внешних оков? Почему люди, несмотря на Ваши прогнозы, по-прежнему чрезвычайно довольны тем, что могут обрабатывать данные, сидеть в Интернете, посылать мейлы по всему миру и без ограничений говорить по телефону?

— Ну, прежде всего, надо сказать, что у людей всё-таки есть повод быть довольными. Ведь они сидят теперь в золотой клетке.

А что вообще самое лучшее? Язык, информация, и этого никто не станет отрицать. А что самое плохое? Опять же, язык, информация. Мы пленники этой дилеммы, в той мере, в какой мы поняли, что это одновременно и самое плохое, и самое хорошее.

Я всё-таки считаю, что чувство удовлетворения людей в данный момент отчасти вполне оправдано. Продукция высоких технологий действительно впечатляет, и я никогда не говорил о том, что технологией не нужно пользоваться.

И всё же многое основано на иллюзии, которая, в свою очередь, связана с рекламой. Следствием информационной революции является революция в области рекламы. Реклама доводит людей до кондиции практически таким же образом, как и упомянутая мной выше пропаганда во время Второй мировой войны. Основываясь на своём тогдашнем опыте, в результате я научился не доверять блефу, и именно поэтому я абсолютно отрицаю рекламу, особенно рекламу в Интернете, финансируемую бюджетами в миллиарды долларов. Такой персонаж, как Билл Гейтс, олицетворяет собой не только программное обеспечение, но также манипуляцию тех, кто её использует, и делает это, впрочем, весьма успешно.

— Как можно воспрепятствовать всеобщей деградации, помешать тому, чтобы будущее становилось всё хуже, как это предсказал Джордж Оруэлл? Что нас могло бы освободить от кошмаров, с которыми мы вынуждены конфронтировать в science fiction?

— Демократия. А она сегодня в опасности. Не столько из-за нескольких диктаторов, которые есть в мире — они всегда существовали и будут существовать, — а скорее из-за технократии и её чудовищного влияния.

В ходе технического прогресса техника почти превратилась в *deus ex machina* — её скорость представляет специфическую форму политической власти. Если время — это деньги, то тогда скорость — это власть. Здесь речь идёт о полностью независимой власти, которая никем не была санкционирована, да и не может быть санкционирована. Чтобы её ограничить или уничтожить, нужно отключить электричество или взорвать электростанции...

Исходя из существующей реальности, представляется необходимым срочно обновить демократию в политических партиях, но также и на предприятиях, и в человеческих отношениях, где она часто отрицается. Сегодня больше не ставится под сомнение социальная справедливость, свобода мнений и демократия как таковая. Без демократии не останется никакой надежды. Это не означает, что я отчаялся, напротив, я верю в то, что у демократии есть будущее, хотя путь её каменист, каким он, впрочем, всегда и был. Пожалуй, одна только вещь заставляет меня отчаиваться: это апатия, которая, распространяясь повсюду, парализует дух, разум и тело.

— Апатия является свидетельством той внутренней «униформированности», которая стала, как Вы сказали, результатом воздействия информационной бомбы. Но в том же контексте Вы говорили также и о генетической бомбе, опустошительными последствиями которой может стать сокращение существующего разнообразия в природе всего до нескольких экземпляров, которые будут признаны достойными воспроизведения.

— Я не могу запретить себе думать, что биология, благодаря расшифровке генетического кода, способна производить клонов и химеры с целью фундаментальной трансформации человека и что она стремится вывести если не сверхчеловека, то, по крайней мере, более усовершенствованную человеческую расу.

Так как у меня всё ещё на слуху, как национал-социалисты пропагандировали миф об арийцах, я опасаясь возвращения евгеники благодаря генетической бомбе. Меня бы не удивило, если бы я вдруг узнал, что в определённых лабораториях уже производятся исследования по созданию новой человеческой расы, некоторые из представителей которой были бы более совершенными или более способными, чем другие.

Здесь начинается этическая трагедия, перед лицом которой Освенцим едва ли выдержит сравнение. Сначала был Фрэнсис Гальтон, двоюродный брат Дарвина и отец евгеники, который изучил видовые характеристики гения, с тем, чтобы устранить «неполноценные виды» — инвалидов, цыган, гомосексуалистов, евреев, и довести до конца естественный отбор. После этого на сцену выходит доктор Менгеле и проводит свои жуткие эксперименты на живых людях в концентрационном лагере. Кто решится теперь на следующий шаг? На карту поставлено не много и не мало, как сама природа человека и всего сущего, или, если бы я хотел использовать религиозное выражение, *книга жизни*. Кроме того, генетическая бомба вызывает

намного более высокое взрывное действие, чем атомная или информационная бомбы. Таким образом, мы приближаемся к одному из последних великих сражений в истории.

— Вы сформулировали проблему: Запад столкнулся с решающим феноменом — потерей религии, метафизики и трансцендентности. Не может ли так случиться, что теперь на Cyberspace проецируются все те качества, на которые раньше претендовал Бог, до того, как он был провозглашён умершим? Виртуальные реальности в эпоху «метафизического сиротства» становятся своего рода «технической формой бога» вследствие таких своих характеристик, как вездесущность, нематериальность и интенциональность.

— Как я уже указывал, глобализированной информации внутри виртуальных реальностей принадлежит такая власть, которая некоторых может привести к тому, что они сделают киберпространство предметом культа, некоего технокульта. Вездесущность, всеохватывающая широта взгляда, непосредственность — всё это свойства божественного, которые также обнаруживает и виртуальное пространство. Действовать издаля, направлять, влиять и даже на короткое время прерывать работу всех средств массовой коммуникации — все эти критерии лишь ещё раз доказывают аналогию между божественной и кибернетической сферами. Таким образом, киберпространство искусно маскирует отсутствие веры и тем самым содействует развитию агностицизма...

— Вы знаете, конечно, эту известную фразу Андрэ Мальро о том, что XXI век будет веком духовности, либо его не будет вовсе. Какая предпосылка представляется Вам обязательной для того, чтобы внутренний, проникнутый настоящей духовностью опыт снова нашёл своё отражение в реальности? Говоря иначе: на чём должна основываться новая метафизика?

— Когда говоришь о метафизике, невозможно избежать разговора об отношении к смерти. Наше материалистическое общество, проповедующее потребление, изгнало это понятие из своего сознания. Всё, что серьёзно и опасно, замалчивается и исключается — начиная со смерти, а значит, таким образом, и самой жизни, и самой жизненной цели.

Тогда получается, что в конечном счёте мы рождаемся только для того, чтобы умереть, и мы живём только потому, что мы когда-нибудь умрём. Исходя из этого, я считаю, что нельзя создать никакое обоснованное философское мировидение без введения в него вопроса о смерти. Кроме того, я подозреваю, что гениальная технология представляет собой всего лишь только метод, ещё одну новую мечту клона о преодолении смерти. И всё же, очень удивительно наблюдать, как науки, которые более или менее напрямую занимаются проблемами смерти — включая военно-промышленный сектор, — снимают этот вопрос. Создание генетически идентичных копий-

клонов представляется мне ультимативной попыткой избежать смерти. При этом на самом деле получается, что избегаешь саму жизнь.

— В течение многих миллионов лет человек находится на пути своего эволюционного движения, всегда видя в природе манифестацию сверхъестественной силы и уважая её. Человек — это метафизическое животное, имея в виду тот факт, что он является единственным из «животных», осознающим значение слова «смерть». И, тем не менее, сегодня человек отказывается именно от тех способностей и качеств, которые сформировали его таким, какой он есть. Не вырывает ли тем самым современный человек корни своего интеллектуального и духовного существования?

— Очевидно, человек потерял нечто такое, что занимало центральное место в метафизике и придавало контур и значение его различным суждениям. Это символический язык. Он стал жертвой людей, утративших способность выражения, следствием чего стали серьёзные ошибки. Никто больше не говорит на этом языке и не понимает его, за исключением некоторых теологов и философов. Здесь лежит, пожалуй, одна из причин отрицания коммуникации (Non-communication): развитие и усовершенствование всех этих техник, с которыми мы сегодня имеем дело, привело к исчезновению символического способа выражения. Но мы не можем от него отказываться, в век машин и аппаратов мы более чем когда-либо нуждаемся в символическом способе выражения. Мы должны открывать его по-новому, или заново изобрести, хотя я даже не уверен, что это возможно.

— Если человечество всё больше отдаляется от своих интеллектуальных и биологических корней, не следует ли тогда опасаться, что оно вообще потеряет контакт с тем, что считалось когда-то существующей и ощущаемой физической реальностью? Не катапультируют ли технологии имитации человека в абсолютно синтетический мир, мир алгебраизированной повседневности, мир бездушный и беспринципный, в котором человек становится космическим бастардом?

— По моему мнению, реальность состоит одновременно из актуального и виртуального. Актуальность определяет перспективу реального пространства, которая в эпоху ренессансного Кватроченто дала не только форму картинам Мазаччо, делла Франческа или Учелло, но также и образ города эпохи Возрождения и проектов Макьявелли, вследствие чего она является изобретением как эстетическим, так и политическим. Сегодня эта первая перспектива с её взлётами и падениями, её стереофонией и стереокопией раскрывает вторую перспективу — перспективу виртуального пространства. В результате образуется стереореальность: здесь — актуальная реальность, связанная с настоящим миром и с материальностью, там — реальность виртуальная, которая покоится в основном на образах, переведённых прямо в режим реального времени.

Итак, в будущем мы будем развиваться в стереореальном пространстве и направлять наш взгляд в двух направлениях. Обе реальности комплементарны, лучше сказать, они должны быть таковыми, чтобы всё не застыло в ирреальности. Вопреки моим сомнениям, я храню тайную надежду, что формирующаяся стереореальность спровоцирует интеллектуальный переворот, подобный итальянской эпохе Возрождения, и откроет нам радикально новое видение внутреннего устройства вселенной. Подготавливать и совершить такой шаг, демарш такого рода — это великая миссия прежде всего для электронщиков и видеоинженеров, а также для философов и теологов, которые должны ответить на вопрос: как жить в разорванной на две части реальности?

— Следовательно, это переходная эпоха, в которой человек познаёт заново, что никто другой, кроме него, не определяет тот способ, которым он добывает и использует информацию и технологии. Останется ли его судьба и в будущем в его руках?

— В XII веке аббатиса Хильдегарда Бингенская писала: « *homo est clausura mirabilium Dei*» («Человек — кладезь божественных чудес»). Это означает, что человек — не центр мира, а его цель, суть его совершенства. Человек является венцом творения, и вместе с тем его завершением. Религия и наука, делая акцент на антропоцентризме и геоцентризме, до сих пор камуфлировали эту правду. Но фраза Хильдегарды раскрывает её в полной мере.